Мысль о том, что она, возможно, страдает из-за его невежества, удручающе давила ему на грудь, и это усугублялось тем, что он мало что мог сделать, чтобы исправить ситуацию, пока не нашел способ вернуться в свое время. Если он найдет способ вернуться в свое время. Потому что сейчас у него не было ничего, и он все еще только продвигался в направлении хоть чего-то. Могут пройти недели или месяцы, прежде чем будет найдено что-нибудь ценное, и мысль о том, что до тех пор он будет торчать в этом времени, есть заплесневелые яблоки и спать в переулках (как бы удобно он их ни обустроил), сжимала сердце.

Ногти серповидной формы давили и вдавливали кожу на запястье, не настолько сильно, чтобы прорвать ее, но достаточно, чтобы причинить боль. Это была единственная техника, которую Гарри нашёл и которая действительно помогала ему не взорвать очередную порцию унитазов и не вызвать у себя видения мёртвых. Гермиона пыталась заставить его прекратить, утверждая, что это опасно близко к членовредительству, но Гарри не хотел отказываться от единственной вещи, которая удерживала его в голове, по крайней мере, до тех пор, пока он не найдёт другой метод, который окажется эффективным. А если он еще не нашел такого метода... что ж, в данный момент у него было много забот.

Где-то рядом с ним хруст оберточной бумаги вывел его из задумчивости и вернул к болезненно неправильному подарку. Мужчина, пожилой, но ещё не опустившийся от возраста, успел подойти так, что Гарри его не услышал; он остановился достаточно далеко, чтобы не толпиться, но было видно, что он чего-то ждёт. Когда Гарри обратил на него внимание, он улыбнулся и, преодолев последнее расстояние между ними, положил на землю у Гарри продолговатый предмет, завернутый в немаркированную вощеную бумагу.

Гарри посмотрел сначала вниз, потом вверх, на мужчину, смущаясь и, возможно, немного насторожившись. Но незнакомец лишь продолжал улыбаться.

"Для тебя".

На губах Гарри появилось что-то похожее на растерянность, и он осторожно протянул руку, чтобы коснуться предмета одним пальцем, наполовину ожидая знакомого притяжения за пупок, но под пальцем не оказалось ничего, кроме уступчивого хруста. Мужчина только ободряюще кивнул.

Это был сэндвич, начинка не представляла собой ничего особенного, но она была холодной от льда, а хлеб еще пах печью. Гарри только об этом и мечтал, но он знал, что Муди восстанет из могилы, переместится во времени и проклянет его на все лады, если он примет, а тем более съест, еду, предложенную ему незнакомцем.

"Это всего лишь мясо и сыр". Мужчина говорил со слабым европейским акцентом, который Гарри едва ли смог бы уловить. "Хороший комплимент к гнилым яблокам, за которые с вас взяли слишком большую цену".

Обертка снова хрустнула, когда Гарри положил на нее сэндвич. "Почему...?"

В ответ на это Гарри пожал плечами и ответил просто, но без всякого уточнения: "Я видел, как вы искали".

Пожилой джентльмен приклонил шляпу, затем повернулся и зашагал прочь. Гарри смотрел ему вслед, пока тот не обогнул угол, а затем снова опустил взгляд на развёрнутый сэндвич, лежащий у него на коленях. С его стороны было бы невероятно безответственно попытать счастья, ведь мир волшебников зависел от него (даже если он ещё не осознавал этого), чтобы вернуться в настоящее и исправить то, что требовало исправления. Он не должен был рисковать тем, что его убьют сэндвичем. Но у него был иммунитет от отравления и смерти, и самое худшее, что он мог сделать, - это подхватить лихорадку.

Приняв решение, он неуверенно откусил от одного конца и изо всех сил постарался не застонать от того, насколько вкусным оказался этот простой бутерброд. Потребовался еще один укус, чтобы он пришел к двум выводам: а) бутерброд не отравлен и б) даже если бы отравлен, он не был уверен, что сможет заставить себя перестать есть его, так как он был божественен.

Денег, которые он зарабатывал в бакалейной лавке, хватало на ежедневное полноценное питание, но при покупке товаров приходилось искать консервированные продукты, а не скоропортящиеся, поскольку в его хижине в переулке не было ледяной камеры, а поддерживать скоропортящиеся продукты, такие как мясо и молоко, в нужной температуре с помощью заклинаний было делом нехитрым, в котором он не имел ни малейшего навыка. Так что в основном это были консервированные фрукты и спам. В конце недели у него оставалось достаточно средств, чтобы позволить себе небольшое лакомство, но никогда не хватало на что-то такое свежее и вкусное, как сэндвич.

Однако доброта незнакомца вызвала у него недоумение: за то время, что он провел здесь, он привык, что его полностью игнорируют или, когда его внешний вид отражал, насколько тяжелыми могут быть его ночи, бросают презрительные взгляды, и никто ни разу не проявил к нему даже малейшего сочувствия. Гарри хотелось, чтобы этот человек пробыл здесь достаточно долго, чтобы он смог преодолеть свою настороженность и как следует поблагодарить его.

Последний бутерброд был скорбно проглочен, и Гарри задумчиво уставился на обёртку, размышляя о том, будет ли социально приемлемым высасывать крошки из бумаги, пытаясь вернуть себе хоть немного этого вкуса.

Но жизнь на улице не избавила его от манер, привитых Петунией, поэтому он бросил бумажку в ближайшую урну и решил направиться в сторону бакалейных лавок. В итоге он пришел немного раньше, но сомневался, что ему откажут.

Натания Аронофф, женская половина семейной пары, управлявшей магазином, как обычно, работала за прилавком, а ее муж, Обадия, занимался тем, что художественно расставлял на полке банки со спамом. Как и предполагалось, ни тот, ни другой не были ни малейшего против того, чтобы начать работу раньше.

"Мистер Аронофф пытался в одиночку сдвинуть с места несколько коробок, - заметила Натания, когда Гарри начал переносить ящики со свежими овощами на передний план. "Чуть не потянул что-то в спине".

Обадия добродушно ворчал в ответ на поддразнивания жены. "Не хотел, чтобы фрукты испортились, сидя в подсобке, пока он не появится, верно?"

"И все же ты умудрился чуть не отправить на пол целый ящик дынь".

Гарри тихонько хмыкнул от удовольствия, лишь наполовину прислушиваясь к препирательствам этой парочки. Ароновы были добры к нему, часто баловали его, как будто он был одним из сыновей, о которых он так много слышал. В этом отношении они были очень похожи на миссис и мистера Уизли, и хотя иногда это успокаивало, чаще всего это было нежелательным напоминанием о том, чего ему не хватает. В эти дни ему очень не хватало компании: Смерть навестила его всего один раз после их разговора в Поттер-Мэноре, и, хотя Натания и Обадия относились к нему с такой добротой, он по-прежнему был лишь их работником и виделся с ними всего несколько часов в день. Остальные дни он проводил в основном в тишине: в одиночестве исследовал улицы, грелся в своём импровизированном доме, а теперь ещё и занимался исследованиями в тишине библиотеки. Вне работы его общение с людьми сводилось к тому, что он благодарил мужчин и женщин, принимавших у него плату за еду, и желал им хорошего дня.

Это было не так ужасно, как кажется, Гарри привык к одиночеству, ведь первую половину своей жизни он прожил в чулане, но он также привык к хаосу в норе и полному отсутствию уединения в общежитии для мальчиков. Было бы здорово вернуть это или хотя бы что-то похожее.

В районе, где он ночевал, было множество пабов и танцевальных залов, в переулок самого Гарри частенько заглядывали подвыпившие молодые люди, желающие облегчить содержимое своего желудка, но мысль о том, чтобы тратить свои и без того ограниченные средства на протухшее спиртное, не казалась ему самым мудрым решением, а на четвёртом курсе на Йольском балу он понял, что танцы - не его сильная сторона. Он хотел завести друзей, а не отправить какую-нибудь бедную девушку в больницу из-за своих опасных танцевальных навыков.

И хотя было бы здорово снова иметь друзей, Гарри, наверное, лучше не заводить привязанностей, так как это только усложнит его уход, когда его маленькая проблема будет наконец решена.

Но на следующий день он взял свой обед на ступеньках библиотеки.

Он не стал лгать и говорить, что часть его души не надеялась, что незнакомец вернется, он хотел отблагодарить его, что один маленький поступок сделал остаток его дня бесконечно лучше. На последние деньги он даже купил два яблока, идеально спелых, без малейшего намека на коричневый цвет на их гладкой поверхности. Он хотел бы купить что-нибудь

побольше, но это было все, что он мог себе позволить в данный момент.

Гарри простоял на ступеньках не более получаса, прежде чем появился человек, на этот раз он нес два бутерброда и, вместо того чтобы уйти после того, как Гарри принял один из них, с довольным вздохом уселся на ступеньку чуть ниже него. Гарри поспешил достать два яблока из бумажного пакета, в который их положил хозяин магазина, и протянул их мужчине, который лишь мельком взглянул на них, прежде чем взять одно из них из левой руки Гарри.

"Они оба для вас", - настаивал он, продолжая протягивать второе яблоко.

Но мужчина решительно покачал головой. "Мы поделимся".

После этого никто не заговорил, так как говорить было больше не о чем. Гарри наслаждался этим сэндвичем так же, как и первым, и радостно хмыкнул, когда яблоко хрустнуло так, как он любил. Мужчина, похоже, был не менее доволен, необычная улыбка не сходила с его лица на протяжении всего обеда, а когда он закончил, то удалился, дружески похлопав Гарри по колену и просто попрощавшись. "Увидимся завтра".

http://tl.rulate.ru/book/98824/3361010